

О ЗНАЧЕНИИ И ЗАДАЧАХ КОМПАРАТИВИСТИКИ В ИСТОРИЧЕСКИХ ИССЛЕДОВАНИЯХ

На рубеже столетий с распространением в отечественной историографии цивилизационных подходов и встраиванием нашей науки в общемировые процессы приобрели актуальность сравнительные исследования. Особенно это важно для белорусской историографии, получившей возможность самоидентифицировать историческое прошлое нашей страны.

Недавние попытки просто переписать в национальном ключе историю становления белорусского общества и государственности привели к не очень серьезным выводам о ВКЛ как именно белорусском государстве (Н.Ермолович), вызвали многочисленные возражения и даже ироничные замечания многих, в том числе и белорусских (Г.Саганович) историков. Идея национальной истории была ополчена и появились попытки вновь превратить историю в «политику, опрокинутую в прошлое»...

Адекватное историческим реалиям изучение нашей истории невозможно без вписывания в общеисторический контекст. Но сравнительная история – компаративистика – имеет свои особенности, без учета которых она может превратиться в набор вырванных из контекста сопоставлений.

Примером является хотя бы недавно изданный в Москве сборник, посвященный сравнительной истории [1]. В его предисловии, как частный пример, постулируется актуальность сравнительного изучения западноевропейского и русского обществ в их развитии и структурных особенностях [1, С.3], приводятся примеры из западной историографии, критикуется тенденция сопоставлять глобальные особенности, сходства и различия европейской и русской истории, «которые, как правило, имеют столь широкий охват и далекий фокус, что в них теряется всякая внутренняя специфика явлений. В итоге оценка сравнительного соотношения разных традиций оперирует либо чрезмерно общими, неизвестно как возникшими понятиями, ... не вникая в их структурные особенности и внутреннее своеобразие» [1, С.4]. Эти упреки авторам обобщающих штудий в значительной степени справедливы. Но подобранные в указанном сборнике статьи посвящены в основном исследованным авторами разных стран частным феноменам разных конфессий и культур, собранных под одной обложкой. Компаративистикой такой подход, в общем-то не является. Это относится, например, к материалу о немцах в Киевской Руси [2] – интересному частному анализу восприятия иного этноса в контексте конфессионального противостояния латинян и православных. Либо сравнениям, но весьма ограниченными, как в статье И.М.Супоницкой «Русский помещик и американский плантатор» [3], в которой автор критикует сопоставление американского рабства с русским крепостничеством.

Автор названной статьи считает, что сходство между этими формами принудительного труда действительно есть, но они внешние. Если же, по мнению Супоницкой, принять во внимание основные характеристики русского и американского обществ XIX в., традиционность первого и динамичность второго, то указанные сопоставления выглядят некорректно. Действительно, ментальность, цели и нормы поведения американских плантаторов и русских помещиков были различными. В качестве примера автор приводит активных борцов за свое будущее из известного американского романа «Унесенные ветром» и образов вымирающих русских помещиков из чеховского «Вишневого сада». Все так. Но почему же возникло сопоставление? Кстати, из той же статьи, о похожести американских плантаторов и рус-

ских дворян писал в 1872 г. и побывавший в США великий князь Алексей Александрович.

Очевидно, чтобы сопоставление было всесторонним, надо обращать внимание и на воззрения самих исследователей. И надо признать, что сторонники сходства названных явлений имели и «свою правду», ибо исходили из общей основы – **несвободы и тех и других**. А уж владение несвободными рождало в их господах, несмотря на разные ментальности и жизненные ориентиры, сходные реакции, основанные на вседозволенности. Возможно, сказывалась и политическая составляющая: и великий князь, и американские, названные в статье, русисты как бы подчеркивали: русское крепостничество – все то же рабство. А для американцев их рабство – еще и дикая «азиатчина», что оправдывало его искоренение.

Кстати, нюансы и подводные камни компаративистики видны из еще одного примера с **крепостничеством**. Среди «неортодоксальных» советских медиевистов уже с 60-х гг. бытовало мнение об отсутствии крепостного права в средневековой Западной Европе [4, С.9]. Представляется, однако, что в этом отрицании присутствует определенная передержка, связанная, очевидно, с тем, что у отечественного читателя термин «крепостничество» ассоциируется с восточноевропейскими реалиями значительно более позднего времени. Но ведь закрепощением в Западной Европе и на востоке континента обозначают совершенно разные явления: «Сеньориализация» крестьян Западной Европы никоим образом не походила на то, что позднее, в XVIII в., появилось в России. Однако западными крестьянами (ранее свободными аллодистами) их положение в сеньориях рассматривалось именно как несвобода, то есть – **закрепощение**. Иначе как же назвать запрет на свободу передвижения сервов, отсутствие права самостоятельно выступать в суде (что было чрезвычайно важно для западного человека), дурные обычаи и т.п.? А само противопоставление сервов свободным? [5, С.473-474; 6, С.96].

Да, в Западной Европе при слабой государственной организации отлаженной системы сыска крестьян-беглецов не было. Без централизованной поддержки феодал не мог не только отобрать у крестьянина надел, но и произвольно изменить, повысить повинности. Серв был достаточно самостоятелен во внутрихозяйственной деятельности [7; 8, С.72-73]. Но сам факт серважа как формальной несвободы существовал! Ведь известно, как чутки были средневековые европейцы к своему и чужому статусу. Даже обязанность крестьян нести регулярное тягло шведы середины XIII в. приравнивали к «несвободе» [9, С.60]. То есть ограничение свободы западноевропейским средневековым человеком воспринималось более драматично, чем это может нам показаться с учетом российской и советской исторической памяти [10].

Особняком в вышеописанном сборнике стоит статья С.И. Лучицкой о германской компаративистике [11]. В ней рассмотрены и сложности метода, и его значение. Надо заметить, что германская историография стояла у истоков компаративистики. Ведь еще М.Вебер в своей классической работе «Протестантская этика и дух капитализма» сравнивал Запад и восточные цивилизации с целью понять, как и почему Европа пришла к капиталистической системе хозяйствования.

Немецкие исследователи соглашаются, что труды по компаративистике очень часто основаны на источниках, полученных из вторых рук, что сравнительный метод вырывает изучаемые явления из их исторического контекста, предполагает абстракцию, обобщение. А это может привести к упрощениям. Но без сравнений, сопоставлений, заключает автор обзора, нельзя адекватно объяснять исторические явления.

Без, добавим, взгляда со стороны (сверху, сбоку) нельзя преодолеть феномен узкого специалиста, который, как мудро заметил Козьма Прутков, подобен флюсу. А что до «вторых рук» – это обычная практика любых обобщающих исследований, причем не только сравнительных. Ведь опять таки прав Козьма Прутков: «нельзя объять необъятное». И в науке давно выработались методы критического анализа, из которых наиболее существенный – учет всей исто-

риографии исследуемой проблемы. В таком случае отпадает упрек в подборе случайной информации. Другой принцип – анализ не фактов, как в вышепоказанных примерах, а структур.

Изучение структур, воплощенных в протяженных по времени социальных, экономических и общественных процессах, в том, что Ф.Бродель называл историей большой длительности, позволяет сопоставлять общества, развивающиеся в разных ритмах, что в наше время на ставшей тесной Земле приобрело не только научную, но и политическую актуальность. Проблемы сосуществования цивилизаций, одни из которых забежали вперед, другие находятся в далеком прошлом, требуют серьезного анализа их генезиса. А это создает широкое поле деятельности именно для сравнительных исследований. При этом сравнения нужны не сами по себе, а для понимания общего процесса истории цивилизаций.

Приведем пример. Занимаясь проблемами феодализации на Могилевщине, можно сделать вывод, что понять то, что здесь происходило, невозможно без «вписывания» местных явлений в процессы, происходившие не только в соседних землях, но во всей Восточной и даже Центральной Европе. Такой подход потребовал многолетнего изучения историографии не только российской и украинской, но также польской, чешской, словацкой, немецкой, скандинавской и, по возможности, французской и английской. Поскольку мы ограничивались, во-первых, только аграрной проблематикой, как основной для понимания феодального общества, во-вторых, археологическими и историко-географическими источниками как наиболее репрезентативными для аграрных структур средневековья, работа оказалась вполне подъемной. Библиография темы составила около 4 тыс. наименований и на начало 90-х гг. прошлого века была исчерпывающей. Последнее доказывается хотя бы тем, что за последующие полтора десятка лет новых работ, существенно изменявших полученные выводы, не появилось. А то, что опубликовано, лишь пополняет источниковую базу проделанных ранее исследований.

В итоге удалось разработать концепцию, объяснившую причины неравномерности развития европейских варварских сообществ со второй половины I тыс. н.э. [12]. Основа концепции: сложение разных форм собственности на землю вследствие специфики природных условий Запада и Востока Европы. Развитие этой концепции позволило провести сравнительное изучение генезиса и особенностей основных средневековых цивилизаций Старого и Нового Света [13]. Сопоставление полученных выводов с нынешними реалиями, позволяет вполне адекватно объяснить современные цивилизационные проблемы, что доказывает эффективность такой структурной компаративистики.

Литература

1. Сравнительная история: методы, задачи, перспективы. М.2003.
2. Мюллер Л. Образ немцев в Киевской Руси// Сравнительная история: методы, задачи, перспективы. М.2003. С.170-193.
3. Супоницкая И.М. Русский помещик и американский плантатор // Сравнительная история: методы, задачи, перспективы. М.2003. С. 279-301.
4. Алаев Л.Б. Община в его жизни. История нескольких научных идей в документах и материалах. М. 2000.
5. Брайант А. Эпоха рыцарства в истории Англии. СПб. 2001.
6. Кенигсбергер Г. Средневековая Европа, 400-1500 годы. М., 2001.
7. Бессмертный Ю.Л. «Феодальная революция» X-XI вв. // Вопросы истории. 1984. № 1.
8. Фадеева И.Л. Формы владения и собственности в Европе и на Ближнем Востоке в древности и средневековье// Частная собственность на Востоке. М., 1998.
9. Сванидзе А.А. Требования шведских крестьян в восстании XV века// Из истории социальных конфликтов и народных движений в средневековой Европе. М., 2001.
10. Пискорский В.И. Крепостное право в Каталонии в средние века. Киев. 1901.
11. Лучицкая С. И. Сравнительный метод в истории: взгляд из Германии (достижения и перспективы немецкой компаративистики)// Сравнительная история: методы, задачи, перспективы. М. 2003. С.302-318.
12. Рьер Я.Г. Аграрный мир Восточной и Центральной Европы в средние века по археологическим данным. Могилев. 2000.
13. Рьер Я.Г. Цивилизации средневековья и начала нового времени: опыт структурного анализа. Могилев, 2003.